

Стихотворения

Автор:

[Борис Пастернак](#)

Стихотворения

Борис Леонидович Пастернак

Имя Бориса Пастернака давно перестало быть именем только поэта. Он стал совестью и творческой силой своего поколения. Творчество Б.Л.Пастернака – это постижение гармонии мира.

От составителя:

«...Составляя этот сборник из стихотворений Бориса Пастернака, писавшихся в разные годы, мы хотели обратить внимание читателя на единый, органический характер основного содержания его многолетнего труда (1910—1960). На его глазах менялся мир, образ которого рисовал Пастернак, но сохраняя цельность своего дарования и верность ему, он зорко следил за тем, что происходило вокруг, не обманываясь владычеством „трескучей фразы“ и лжи злободневности, всеохватно царившим в его зрелые годы. ...»

В сборник вошли стихотворения из следующих циклов:

Из книги «Начальная пора» 1912—1914

Из книги «Поверх барьеров» 1914—1916

Из книги «Сестра моя – жизнь» Лето 1917 года

Из книги «Темы и вариации» 1916—1922

Стихи разных лет 1916—1931

Из книги «Второе рождение» 1930—1932

Из книги «На ранних поездах». 1936—1944

Стихотворения Юрия Живаго 1946—1953

Из книги «Когда разгуляется» 1956—1959

Борис Пастернак Стихотворения

Из книги «Начальная пора»

1912—1914

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,

Чрез благовест, чрез клик колес,

Перенестись туда, где ливень

Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,

С деревьев тысячи грачей

Сорвутся в лужи и обрушат

Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,

И ветер криками изрыт,

И чем случайней, тем вернее

Слагаются стихи навзрыд.

1912

* * *

Как бронзовой золой жаровень,

Жуками сыплет сонный сад.

Со мной, с моей свечою вровень

Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,

Я в эту ночь перехожу,

Где тополь обветшало-серый

Завесил лунную межу,

Где пруд как явленная тайна,

Где шепчет яблони прибой,

Где сад висит постройкой свайной

И держит небо пред собой.

1912

СОН

Мне снилась осень в полусвете стекол,

Друзья и ты в их шутовской гурьбе,

И, как с небес добывший крови сокол,

Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,

И, па?волокой рамы серебра,

Заря из сада обдавала стекла

Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,

Как лед, трещал и таял кресел шелк.

Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,

И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен

Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,

Как за возом бегущий дождь соломин,

Гряде бегущих по небу берез.

1913, 1928

ВОКЗАЛ

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать – не исчислить заслуг.

Бывало, вся жизнь моя – в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь —
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость!
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал
И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

И глухнет свисток повторенный,
А издали вторит другой,
И поезд метет по перронам

Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,

И вот уж, за дымом вослед,

Срываются поле и ветер, —

О, быть бы и мне в их числе!

1913, 1928

ВЕНЕЦИЯ

Я был разбужен спозаранку

Щелчком оконного стекла.

Размокшей каменной баранкой

В воде Венеция плыла.

Все было тихо, и, однако,

Во сне я слышал крик, и он

Подобьем смолкнувшего знака

Еще тревожил небосклон.

Он вис трезубцем Скорпиона

Над гладью стихших мандолин

И женщиною оскорбленной,

Быть может, издан был вдали.

Теперь он стих и черной вилкой

Торчал по черенок во мгле.

Большой канал с косою ухмылкой

Оглядывался, как беглец.

Туда, голодные, противясь,

Шли волны, шлендая с тоски,

И го?ндылы[1 - В отступление от обычая восстанавливаю итальянское ударение.]
рубил привязь,

Точа о пристань тесаки.

Вдали за лодочной стоянкой

В остатках сна рождалась явь.

Венеция венецианкой

Бросалась с набережных вплавь.

1913, 1928

ЗИМА

Прижимаюсь щекою к воронке

Завитой, как улитка, зимы.

«По местам, кто не хочет - к сторонке!»

Шумы-шорохи, гром кутерьмы.

«Значит - в „море волнуется“? В повесть,

Завивающуюся жгутом,

Где вступают в черед, не готовясь?

Значит – в жизнь? Значит – в повесть о том,

Как нечаян конец? Об уморе,

Смехе, сутолоке, беготне?

Значит – вправду волнуется море

И стихает, не справясь о дне?»

Это раковины ли гуденье?

Пересуды ли комнат-тихонь?

Со своей ли поссорившись тенью,

Громыхает заслонкой огонь?

Поднимаются вздохи отдушн

И осматриваются – и в плач.

Черным храпом карет перекушен,

В белом облаке скачет лихач.

И невыполотые заносы

На оконный ползут парапет.

За стаканчиками купороса

Ничего не бывало и нет.

1913, 1928

ПИРЫ

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь

И в них твоих измен горящую струю.

Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,

Рыдающей строфы сырую горечь пью.

Исчадья мастерских, мы трезвости не терпим.

Надежному куску объявлена вражда.

Тревожней ветр ночей – тех здравиц виночерпье,

Которым, может быть, не сбыться никогда.

Наследственность и смерть – застольцы наших трапез.

И тихую зарей – верхи деревьев горят —

В сухарнице, как мышь, копается анапест,

И Золушка, спеша, меняет свой наряд.

Полы подметены, на скатерти – ни крошки,

Как детский поцелуй, спокойно дышит стих,

И Золушка бежит – во дни удач на дрожках

А сдан последний грош – и на своих двоих.

1913, 1928

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Не поправить дня усилиями светилен.

Не поднять теням крещенских покрывал.

На земле зима, и дым огней бессилен

Распрямить дома, полегшие вповал.

Булки фонарей и пышки крыш, и черным

По белу в снегу – косяк особняка:

Это – барский дом, и я в нем гувернером.

Я один, я спать усладил ученика.

Никого не ждут. Но – наглухо портьеру.

Тротуар в буграх, крыльцо замечено.

Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй

И уверь меня, что я с тобой – одно.

Снова ты о ней? Но я не тем взволнован.

Кто открыл ей сроки, кто навел на след?

Тот удар – исток всего. До остального,

Милостью ее, теперь мне дела нет.

Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин

Вмерзшие бутылки голых, черных льдин.

Булки фонарей, и на трубе, как филин,

Потонувший в перьях нелюдимый дым.

1913, 1928

Из книги «ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»

1914—1916

ПЕТЕРБУРГ

Как в пулю сажают вторую пулю

Или бьют на пари по свечке,

Так этот раскат берегов и улиц

Петром разряжён без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий

Покрылись железные щеки,

Когда на Петровы глаза навернулись,

Слезя их, заливы в осоке!

И к горлу балтийские волны, как комья

Тоски, подкатили; когда им

Забвеньё владело; когда он знакомил

С империей царство, край – с краем.

Нет времени у вдохновенья. Болото,

Земля ли, иль море, иль лужа, —

Мне здесь сновиденье явилось, и счёты

Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами, завален.

В ненастья натянутый парус

Чертежной щетиною ста готовален

Врезалась царская ярость.

В дверях, над Невой, на часах, гайдуками,

Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячем гаме
Рубанков, снастей и пицалей.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамник
Надеты таежные топи.

* * *

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо над буюм, залитым
Мутью, мешает с толченым графитом
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.
Снасти крепки, как раскуренный кнастер.
Дегтем и доками пахнет ненастье
И огурцами – баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями в слякоть,
Тают в каналах балтийского шлака,
Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.
Пристани бьют в ледяные ладоши.

Гулко булыжник обрушивши, лошадь

Глухо въезжает на мокрый песок.

* * *

Чертежный рейсфедер

Всадника медного

От всадника – ветер

Морей унаследовал.

Каналы на прибыли,

Нева прибывает.

Он северным грифелем

Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка

Под тучею серой,

Здесь скачут на практике

Поверх барьеров.

И видят окраинцы:

За Нарвской, на Охте,

Туман продирается,

Отодранный ногтем.

Петр машет им шляпою,

И плещет, как прапор,

Пурги расцарапанный,

Надорванный рапорт.

Сограждане, кто это,

И кем на терзанье

Распущены по ветру

Полотнища зданий?

Как план, как ландкарту

На плотном папирусе,

Он город над мартом

Раскинул и выбросил.

* * *

Тучи, как волосы, встали дыбом

Над дымной, бледной Невой.

Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,

Город – вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани

Черной рекой манифестов.

Нет, и в могиле глухой и в саване

Ты не нашел себе места.

Волн наводнения не удержишь сваями.

Речь их, как кисти слепых повитух.

Это ведь бредишь ты, неменяемый,

Быстро бормочешь вслух.

1915

ЗИМНЕЕ НЕБО

Цельною льдиной из дымности вынут

Ставший с неделю звездный поток.

Клуб конькобежцев вверху опрокинут:

Чокается со звонкою ночью каток.

Реже-реже-ре-же ступай, конькобежец,

В беге ссекая шаг свысока.

На повороте созвездьем врежется

В небо Норвегии скрежет конька.

Воздух окован мерзлым железом.

О конькобежцы! Там – всё равно,

Что, как глаза со змеиным разрезом,

Ночь на земле, и как кость домино;

Что языком обомлевшей легавой

Месяц к скобе примерзает; что рты,

Как у фальшивомонетчиков, – лавой

Дух захватившего льда налиты.

1915

ДУША

О вольноотпущенница, если вспомнится,

О, если забудется, пленница лет.

По мнению многих, душа и паломница,

По-моему, – тень без особых примет.

О, – в камне стиха, даже если ты канула,

Утопленница, даже если – в пыли,

Ты бьешься, как билась княжна Тараканова,

Когда февралем залило равелин.

О, внедренная! Хлопоча об амнистии,

Кляня времена, как клянут сторожей,

Стучатся опавшие годы, как листья,

В садовую изгородь календарей.

1915

* * *

Не как люди, не еженедельно,

Не всегда, в столетье раза два

Я молил тебя: членораздельно

Повтори творящие слова.

И тебе ж невыносимы смеси

Откровений и людских неволь.

Как же хочешь ты, чтоб я был весел,

С чем бы стал ты есть земную соль?

1915

РАСКОВАННЫЙ ГОЛОС

В шалящую полночью площадь,

В сплославшую белую бездну

Незримому ими – «Извозчик!»

Низринуть с подъезда. С подъезда

Столкнуть в воспаленную полночь,

И слышать сквозь темные спаи

Ее поцелуев – «На помощь!»

Мой голос зовет, утопая.

И видеть, как в единоборстве

С метелью, с лютейшей из лютен,

Он – этот мой голос – на черствой

Узде выплывает из мути...

1915

МЕТЕЛЬ

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега, —

Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи.

Ни зги не видать, а ведь этот посад
Может быть в городе, в Замоскворечьи,
В Замостьи, и прочая (в полночь забредший
Гость от меня отшатнулся назад).

Послушай, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вестник – осинový лист, он безгубый,
Безгласен, как призрак, белей полотна!

Метался, стучался во все ворота,
Кругом озирался, смерчком с мостовой...

– Не тот это город, и полночь не та,

И ты заблудился, ее вестовой!

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.

В посадке, куда ни один двуногий...

Я тоже какой-то... я сбился с дороги:

- Не тот это город, и полночь не та.

2

Все в крестиках двери, как в Варфоломееву

Ночь. Распоряженья пурги-заговорщицы:

Заваливай окна и рамы заклеивай,

Там детство рождественской елью топорщится.

Бушует бульваров безлиственных заговор.

Они поклялись извести человечество.

На сборное место, город! За город!

И вьюга дымится, как факел над нечистью.

Пушинки непрошено велятся на руки.

Мне страшно в безлюдьи пороши разнузданной.

Снежинки снуют, как ручные фонарики.

Вы узнаны, ветки! Прохожий, ты узнан!

Дыра полыньи, и мерещится в музыке

Пурги: - Колиньи, мы узнали твой адрес! —

Секиры и крики: - Вы узнаны, узники

Уюта! - и по? двери мелом - крест-накрест.

Что лагерем стали, что подняты на ноги
Подонки творенья, метели – спола?горя.
Под праздник отправятся к праотцам правнуки.
Ночь Варфоломеева. За город, за город!

1914, 1928

УРАЛ ВПЕРВЫЕ

Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.

Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И, где-то от этого
Шарахаясь, падали призраки пихты.

Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам —
Лесным печником, злоязычным Горынычем,
Как опий попутчику опытным вором.

Очнулись в огне. С горизонта пунцового
На лыжах спускались к лесам азиатцы,
Лизали подошвы и соснам подсовывали

Короны и звали на царство венчаться.

И сосны, повстав и храня иерархию

Мохнатых монархов, вступали

На устланный наста оранжевым бархатом

Покров из камки и сусали.

1916

ЛЕДОХОД

Еще о всходах молодых

Весенний грунт мечтать не смеет.

Из снега выкатив кадык,

Он берегом речным чернеет.

Заря, как клещ, впилась в залив,

И с мясом только вырвешь вечер

Из топи. Как плотолюбив

Простор на севере зловещем!

Он солнцем давится взаглот

И тащит эту ношу по? мху.

Он шлепает ее об лед

И рвет, как розовую семгу.

Капе?ль до половины дня,

Потом, морозом землю скомкав,
Гремит плавучих льдин резня
И поножовщина обломков.

И ни души. Один лишь хрип,
Тоскливый лязг и стук ножовый,
И сталкивающихся глыб
Скрежещущие пережевы.

1916, 1928

* * *

Я понял жизни цель и чту
Ту цель, как цель, и эта цель —
Признать, что мне не вмоготу
Мириться с тем, что есть апрель,

Что дни – кузнечные мехи,
И что растекся полосой
От ели к ели, от ольхи
К ольхе, железный и косою,

И жидкий, и в снега дорог,
Как уголь в пальцы кузнеца,
С шипеньем впившийся поток
Зари без края и конца.

Что в берковец церковный зык,
Что взят звонарь в весовщики,
Что от капели, от слезы
И от поста болят виски.

1916

ИВАКА

Кокошник нахлобучила
Из низок ливня – паросль.
Футляр дымится тучею,
В ветвях горит стеклярус.

И на подушке плюшевой
Сверкает в переливах
Разорванное кружево
Деревьев говорливых.

Сережек аметистовых
И шишек из сапфира
Нельзя и было выставить,
Из-под земли не вырыв.

Чтоб горы очаровывать
В лиловых мочках яра,
Их вынули из нового

Уральского футляра.

1916, 1928

СТРИЖИ

Нет сил никаких у вечерних стрижей

Сдержать голубую прохладу.

Она прорвалась из горластых грудей

И льется, и нет с нею сладу.

И нет у вечерних стрижей ничего,

Что б там, наверху, задержало

Витийственный возглас их: о торжество,

Смотрите, земля убежала!

Как белым ключом закипая в котле,

Уходит бранчливая влага, —

Смотрите, смотрите - нет места земле

От края небес до оврага.

1915

ЭХО

Ночам соловьем обладать,

Что ведром полнодонным колодцам.

Не знаю я, звездная гладь

Из песни ли, в песню ли льется.

Но чем его песня полней,

Тем полночь над песнью просторней.

Тем глубже отдача корней,

Когда она бьется об корни.

И если березовых куп

Безвозгласно великолепье,

Мне кажется, бьется о сруб

Та песня железною цепью,

И каплет со стали тоска,

И ночь растекается в слякоть,

И ею следят с цветника

До самых закраинных пахот.

1915

ТРИ ВАРИАНТА

1

Когда до тончайшей мелочи

Весь день пред тобой на весу,
Лишь знойное щелканье белочье
Не молкнет в смолистом лесу.

И млея, и силы накапливая,
Спит строй сосновых высот.
И лес шелушится и каплями
Роняет струящийся пот.

2

Сады тошнит от верст затишья.
Столбняк рассерженных лощин
Страшней, чем ураган, и лише,
Чем буря, в силах всполошить.

Гроза близка. У сада пахнет
Из усыхающего рта
Крапивой, кровлей, тленьем, страхом.
Встает в колонны рев скота.

3

На кустах растут разрывы
Облетелых туч. У сада

Полон рот сырой крапивы:

Это запах гроз и кладов.

Устает кустарник охать.

В небе множатся пролеты.

У босой лазури – походы

Голенастых по болоту.

И блестят, блестят, как губы,

Не утертые рукою,

Лозы ив, и листья дуба,

И следы у водопоя.

1914

ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА

Так приближается удар

За сладким, из-за ширмы лени,

Во всеоружьи мутных чар

Довольства и оцепененья.

Стоит на мертвой точке час

Не оттого ль, что он намечен,

Что желчь моя не разлилась,

Что у меня на месте печень?

Не отсыхает ли язык

У лип, не липнут листья к небу ль

В часы, как в лагере грозы

Полнеба топчется поодаль?

И слышно: гам ученья там,

Глухой, лиловый, отдаленный.

И жарко белым облакам

Грудиться, строясь в батальоны.

Весь лагерь мрака на виду.

И, мрак глазами пожирая,

В чаду стоят плетни. В чаду —

Телеги, кадки и сараи.

Как плат белы, забыли грызть

Подсолнухи, забыли сплунуть,

Их всех поработила высь,

На них дохнувшая, как юность.

Гроза в воротах! на дворе!

Преображаясь и дурея,

Во тьме, в раскатах, в серебре,

Она бежит по галерее.

По лестнице. И на крыльцо.

Ступень, ступень, ступень. – Повязку!

У всех пяти зеркал лицо

Грозы, с себя сорвавшей маску.

1915

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

За окнами давка, толпится листва,

И палое небо с дорог не подобрано.

Всё стихло. Но что это было сперва!

Теперь разговор уж не тот и по-доброму.

Сначала всё опрометью, вразноряд

Ввалилось в ограду деревья развенчивать,

И попраным парком из ливня – под град,

Потом от сараев – к террасе бревенчатой.

Теперь не надышишься крепью густой.

А то, что у тополя жилы полопались, —

Так воздух садовый, как соды настой,

Шипучкой играет от горечи тополя.

Со стекол балконных, как с бедер и спин

Озябших купальщиц, – ручьями испарина.

Сверкает клубники мороженный клин,

И градинки стелются солью поваренной.

Вот луч, покатайся с паутины, залег
В крапиве, но, кажется, это ненадолго,
И миг недалек, как его уголек
В кустах разожжется и выдует радугу.

1915, 1928

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Я клавишей стаю кормил с руки
Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд
И волны. – И птиц из породы люблю вас,
Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
Пылали кубышки с полуночным дегтем.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлися птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
Казалось, покамест птенец не накормлен,

И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

1915

МЕЛЬНИЦЫ

Стучат колеса на селе.

Струятся и хрустят колосья.

Далёко, на другой земле

Рыдает пес, обезголосев.

Село в серебряном плену

Горит белками хат потухших,

И брешет пес, и бьет в луну

Цепной, кудлатой колотушкой.

Мигают вишни, спят волы,

Внизу спросонок пруд маячит,

И кукурузные стволы

За пазухой початки прячут.

А над кишеньем всех естеств,

Согбенных бременем налива,

Костлявой мельницы крестец,

Как крепость, высится ворчливо.

Плакучий Харьковский уезд,

Русалочки начесы лени,

И ветел, и плетней, и звезд,

Как сизых свечек, шевеленье.

Как губы, – шепчут; как руки, – вяжут;

Как вздох, – невнятные, как кисти, – дряхлы.

И кто узнает, и кто расскажет,

Чем тут когда-то дело пахло?

И кто отважится и кто осмелится

Из сонной одури хоть палец высвободить,

Когда и ветряные мельницы

Окоченели на лунной исповеди?

Им ветер был роздан, как звездам – свет.

Он выпущен в воздух, а нового нет.

А только, как судна, земле вопреки,

Воздушною ссудой живут ветряки.

Ключицы сутуля, крыла разбросав,

Парят на ходулях, степей паруса.

И сохнут на срубках, висят на горбах

Рубахи из луба, порты – короба.

Когда же беснуются куры и стружки,

И дым коромыслом, и пыль столбом,

И падают капли медяшками в кружки,

И ночь подплывает во всем голубом,

И рвутся оборки настурций, и буря,

Баллоном раздув полотно панталон,

Вбегаёт и видит, как тополь, зажмурясь,

Нашествием снега слепит небосклон, —

Тогда просыпаются мельничные тени.

Их мысли ворочаются, как жернова.

И они огромны, как мысли гениев,

И несоразмерны, как их права.

Теперь перед ними всей жизни у?молот.

Все помыслы степи и все слова,

Какие жара в горах придумала,

Охапками падают в их постова.

Завидевши их, паровозы тотчас же

Врезаются в кашу, стремя к ветрякам,

И хлопают паром по тьме клокочущей,

И мечут из топок во мрак потроха.

А рядом, весь в пеклеванных выкликах,

Захлебываясь кулешом подков,

Подводит шлях, в пыли по щиколку,

Под них свой сусличий подкоп.

Они ж, уставая от далей, пожалованных

Валам несчастной шестерни,
Меловые обвалы пространств обмалывают
И судьбы, и сердца, и дни.

И они перемалывают царства проглоченные,
И, вращая белками, пылят облака,
И, быть может, нигде не найдется вотчины,
Чтоб бездонным мозгам их была велика.

Но они и не жалуется на каторгу.
Наливаясь в грядущем и тлея в былом,
Неизвестные зарева, как элеваторы,
Преисполняют их теплом.

1915, 1928

НА ПАРОХОДЕ

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Гремели блюда у буфетчика.
Лакей зевал, сочтя судки.
В реке, на высоте подсвечника,
Кишмя кишели светляки.

Они свисали ниткой искристой
С прибрежных улиц. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывший стеарин.

Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волос
От затопленья, за суда
Нырjala и светильней плавала
В лампаде камских вод звезда.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Держа в руке бокал, вы суженным
Зрачком следили за игрой
Обмолвок, вившихся за ужином,
Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,

Чтобы последнею отцединой

Последней капли кануть в ней.

Был утренник. Сводило челюсти,

И шелест листьев был как бред.

Синее оперенья селезня

Сверкал за Камою рассвет.

И утро шло кровавой банею,

Как нефть разлившейся зари,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В отступление от обычая восстанавливаю итальянское ударение.

Купить: <https://telnovel.com/boris-pasternak/stihotvoreniya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)